ЭВА НАЛЕВАЙКО,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИИ (ВАРШАВА, ПОЛЬША)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОПУЛИЗМ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРАХ*

Исследуется взаимосвязь явлений политического популизма и социального страха. Указывается, что нагнетание различных коллективных страхов в обществе является существенным инструментом влияния политических популистов. Данный тезис подкрепляется анализом использования потенциала страха в политике популистских политических партий и движений в современной Польше.

The interconnection of political populism and social fear as phenomena is considered. Forcing various collective fears is pointed out as an essential instrument of influence for political populists. The given thesis is backed by the analysis of using the fear potential in the policy of populist political parties and movements in Poland.

Страх как инструмент влияния популистов

Жизнь в обществе, как и в любом крупном коллективе, способствует снижению уровня индивидуальных страхов; однако вместе с тем она приносит с собой специфические угрозы, неизбежно формирующиеся именно в обществе. К ним относятся, например, угрозы бойкота, изоляции или какой-либо иной формы потери связи с другими людьми, насилия со стороны государства и его институтов, несправедливости, укоренившейся в социальных структурах и принципах распределения материальных богатств. Угро-

* Перевод с польского – кандидата философских наук И.А. Бортника.

зам данного типа сопутствует страх и сильное желание избежать опасности. В ситуациях значительного нарастания чувств обиды и отчужденности со стороны определенной части общества возникают направленные против остальной ее части протест и бунт, нередко соединенные со стремлением преобразовать общество таким образом, чтобы в нем возобладали отношения, не приводящие более к возникновению угроз и страха.

Демократические системы, особенно в их либеральной разновидности, располагают определенными методами снижения уровня коллективных страхов. К ним относятся прежде всего правила и процедуры решения конфликтов и установления согласия, делающие упор на переговоры и дебаты, разнообразие, равновесие и сотрудничество, создание прозрачности в процессах, требующих принятия решений, а также забота о сохранении стабильности системы со стороны демократически легитимной власти, обладающей необходимым авторитетом и контролируемой со стороны общества.

Возможны и на практике часто проявляются нарушения в функционировании идеальной модели демократии. Случается так, что общество не контролирует своих представителей; последние нередко пользуются недопустимыми методами при принятии решений, а определенные социальные группы обладают явно большей защитой и поддержкой со стороны властей по сравнению с остальными. В свою очередь, политики, не имеющие определенного уровня авторитета и способностей, используют собственные пути достижения успеха. Они уклоняются от решения реальных социальных проблем, обращаясь при этом к символическим ресурсам; стремятся достичь доминирующих позиций, делая упор на эмоции, а не на рациональный анализ ситуации.

Подобными мотивами отличается популистская политика, опирающаяся на два главных инструмента коммуникации и мобилизации: страх и обещания. Последние выступают преимущественно в форме декларирования доброй воли, чего достаточно для признания их действенности. Среди множества словарных дефиниций популизма легко можно найти определение данного явления как разновидности общественной мобилизации, совершающейся путем использования социальных страхов и опасений, а также обращения к символам, существенным для того или иного сообщества.

Популистская политика находит для себя питательную среду в системе либеральной демократии, лишая ее вместе с тем козырей в воспроизведении чувства безопасности, опирающегося на всеобщее знание правил и предсказуемость коллективного поведения. Более того, популистская политика противодействует индивидуализму, превращая охваченных страхом индивидов в массу, толпу, сохраняющую лишь видимость управляемости, поскольку она весьма подвержена импульсам коллективной паники. На вопрос, является ли понимаемый таким образом популизм для либеральной демократии явлением положительным, поскольку привносит в систему живой порыв активности тех групп, которые ранее были равнодушными и безучастными, или отрицательным, поскольку он размывает определяющие черты той или иной общности, более справедливым представляется второй ответ. Популизм играет отрицательную роль для общества как целого, его интегрированности, сплоченности и, как следствие, активности, для всего того, что часто называют формой общества.

Страх, согласно энциклопедическому определению, – это эмоциональное состояние, представляющее собой реакцию на существующую или воображаемую угрозу и имеющее неизвестный источник. Индивид не может ему противостоять. Страх по определению имеет иррациональный характер. Это обобщенная боязнь чего-то неопределенного и вместе с тем всего вообще. Отдельные индивиды отличаются между собой уровнем восприимчивости к страху, который влияет на способы их реакции в конкретных общественных ситуациях – в особенности в тех, которые неясны и неопреде-

ленны. Можно согласиться с тем, что сообщества также отличаются друг от друга коллективным потенциалом страха. Те общности, которые в прошлом имели возможность на протяжении длительного периода времени контролировать свою судьбу и справляться с внешними угрозами, менее подвержены страху. В свою очередь, те общности, которые часто были лишены контроля над собственной судьбой и неудачно преодолевали опасности, более сильно впитали в себя подсознательный страх и более податливы эскалации чувства страха и соответствующему ему агрессивному и конфликтному поведению в общественной жизни. Несомненно, что во втором случае популистским политикам проще использовать недобросовестные стратегии для создания собственного авторитета и достижения власти.

Популистские политики придают конкретную форму скрытым общественным страхам, поскольку указывают на грозящие опасности. Одновременно таким образом они позиционируют себя как «защитника, протектора или спасителя перед лицом выдвинутых на первый план… угроз или опасностей»[1].

Запугивание имеет под собой, как правило, зерно истины, но основывается на преувеличении действительных, очевидных для каждого угроз, которые связаны, например, с политикой соседних государств или с экономической ситуацией в стране. Вместе с тем оно иногда может быть основано на полностью воображаемых угрозах, вымышленной картине действительности. Достаточно, если оно обращено к скрытым страхам, укоренившимся на определенном этапе исторического развития общества. Популистское нагнетание страха основано не только на указании опасности, о чем уже говорилось, но и на указании ее воплотителя, как индивидуального (например, политик оппозиционной партии), так и коллективного (например, парламент и все депутаты или правительство и все министры). Наибольший страх вызывает враг, имеющий конкретный облик.

Главным достижением популистского запугивания является установление господства над устрашенной общностью, ее подчинение путем создания среди отдельных членов, с одной стороны, всеобщей убежденности в собственной необходимости для сохранения общности, с другой – всеобщей податливости к собственным мнениям, оценкам и призывам к действию. В таком случае сообщество страха уже объединяет не только чувство беспомощности и тревоги, но и потребность в опеке, которая выражается в полном доверии к защитнику, наделении его самыми разнообразными полномочиями, в том числе такими, которые нарушают принципы, ранее чтимые отдельными членами данного сообщества. Такое сообщество не только используется политиками на выборах, но и становится эффективным инструментом влияния оппозиционных групп на правящие круги и принимаемые ими решения.

Общность указанного типа могут создавать представители различных социальных слоев. Однако в ситуации нагнетаемой опасности их прежние идентичности теряют значение; на первый план начинает выходить новая идентичность, основанная на негативных эмоциях, связях, возникших в ходе протеста и на основе веры в вождя, становящегося своеобразным гуру, который доходчиво объясняет все. «Устрашенных или по крайней мере напуганных и дезориентированных потоком страшилок людей очень тяжело пробудить от летаргического сна, освободить от стадных инстинктов и отказа от собственного мнения, склонить их на сторону рациональности и самостоятельности»[2].

Популистам благоприятствует тот естественный механизм социального конформизма, влияние которого усиливается в толпе. Масса, идущая за своим вождем, члены которой временно благодаря такому подчинению обрели чувство безопасности, дает им еще один действенный политический инструмент – право ссылаться на «коллективную волю», а что еще важ-

нее, – право на произвольное определение и толкование этой воли, используемой в качестве аргумента в ходе конфронтации с политическим истеблишментом.

Популистские политики в наибольшей степени активизируются в ситуациях неопределенности: конфликты, кризисы, изменения. Именно они способствуют распространению настроений краха, потери уверенности в завтрашнем дне, усиливают страхи, указывают на угрозы и происки врагов. Популизм получает питательную среду во всякой неопределенности и конфликтности. Поэтому его политические сторонники не любят пассивно ожидать перемен. Они охотно поддерживают и раздувают существующие конфликты или вообще создают новые, чтобы можно было акцентировать собственное значение и укреплять свое влияние.

Все социальные противоречия имеют как реальное, так и символическое измерение. Все они носят более или менее преходящий характер. Те из них, которые относятся к современности, как правило, реальны и кажутся преходящими. Если у них появляются устойчивые черты, то они приобретают историческое измерение и достигают кумулятивного эффекта – закрепляются в коллективной памяти, оказывая влияние на коллективные нарративы сообщества. Популистские политики охотно смешивают эти два измерения, представляя реальные и преходящие конфликты в исторических категориях. Делают они это для того, чтобы придать им важность, а себе – большую значимость. Характерным примером такой тактики может быть часто имеющее место у ряда популистских политиков представление типичных конфликтов, связанных с трансформацией общества, например с приватизацией конкретного предприятия, в категориях глубоких социальных противоречий типа противоречий между коммунизмом и посткоммунизмом или же в контексте традиции борьбы за польскость.

Как уже отмечалось, не все сообщества в равной степени подвержены популистским воздействиям в зависимости от их прошлого и накопленного потенциала страха, хотя современные кризисы и конфликты, связанные с глобализацией, содействуют значительному повышению уровня общественных страхов во всем мире. Различные сообщества также отличаются друг от друга устоявшимися способами реагирования на существующие конфликты и интерпретации конфликтных ситуаций. Так сложилось потому, что одни из них в прошлом прошли через большее число конфликтов, чем другие; в них отмечались более глубокие противоречия. Результатом этого стало формирование в сообществах отличительных черт, которые М. Росс определил как «культурные конфликтные императивы». В контексте данных императивов мир может быть представлен полным опасностей, врагов и ненадежных союзников или, наоборот, безопасным местом, в котором господствует убежденность в том, что здесь всегда можно рассчитывать на понимание, сотрудничество, доверие и помощь. В первом случае соответствующей реакцией является демонстрация силы и агрессии, даже в качестве предупредительного и отпугивающего действия; во втором – сигналы о мирных намерениях и взаимном уважении с целью достижения взаимопонимания и согласия.

Д. Бар-Таль, анализируя затяжной и неразрешимый израильско-палестинский конфликт и его социально-психологические последствия, употребляет для определения институционализированных в результате данного конфликта психокультурных императивов термин «социально-психологическая инфраструктура». В значительной степени он соответствует понятию «культурные конфликтные императивы» М. Росса. Это закрепившаяся в коллективной памяти, этосе конфликта и коллективной эмоциональной установке форма приспособления общества к длительному конфликту[3]. Она включает как образцы единения, солидарности, стойкости и жертвенности, так и образцы беспощадности по отношению к врагам. В

большинстве сообществ нет настолько сложноразрешимых конфликтов, как в израильском и палестинском сообществах, тем не менее все затяжные, болезненные или просто значимые с точки зрения исторических судеб той или иной общности конфликты создают именно такой тип инфраструктуры и вместе с тем определяют характерные способы поведения в конфликтной ситуации.

Эти императивы в значительной степени определяют то, что одни сообщества лучше справляются с конфликтами, чем другие, что им удается находить оптимальные решения проблем вместо эскалации конфронтации. Росс справедливо называет императивы, генерализированные и закрепленные в качестве образцов конфронтационной реакции, «культурами конфликта». Такие культуры несут в себе тенденцию к поддержанию конфликтов, к их превращению в глубокие и затяжные.

В подобном духе рассуждает А. Голец, которая различает «культуры чести» и «культуры мира». Автор утверждает, что существуют «агрессивные “культуры чести”, для которых характерно применение силы в ответ на оскорбление чести, под чем может пониматься любое соответствующим образом интерпретированное действие противника». Существуют также мирные культуры, «в которых функционируют общественные механизмы групповой организации и интерсубъективного соперничества»[4].

В культуре конфликта, безусловно, легче спровоцировать конфликт, используя исключительно интерпретационные, символические процедуры. Здесь также легче оживить общественные страхи и мобилизовать массы на выступление против указанного врага.

Потенциал страха и популистской политики в Центральной Европе

В. Тисманеану склонен к тому, чтобы причислить весь регион Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) к культуре конфликта. Сложный, зачастую трагический исторический опыт региона привел, несомненно, к высокому потенциалу страха. В одной из своих работ автор пишет об этой части света как о пространстве, в котором «скопились великие надежды, мечты о собственном достоинстве, а также несбыточные фантазии о реванше и жуткие неврозы»[5]. После краха коммунизма там с особой силой возобладали «коллективные страхи, дезориентация, а позже разочарование. Все это благодатная почва для различного мифотворчества»[6].

История региона и изменения, произошедшие после 1989 г., по мнению автора, в особенной степени благоприятствовали развитию национализма, популистским и антидемократическим силам, а революции, произошедшие в то время, содержали в себе очень сильный антимодернистский, антилиберальный и коммунитаристский компонент.

Отражением этих тенденций является возникновение в большинстве стран ЦВЕ политических партий и движений, романтически идеализирующих историческое прошлое и авторитарные традиции, а также выражающих сильную неприязнь к принципам парламентаризма. Они соперничают также с существующими здесь традициями демократии, либерализма и культуры мира. Все это свидетельствует о возникновении почти во всем регионе конфронтации между либерально мыслящими деятелями, зачастую имеющими диссидентское прошлое, и патриотическими консервативными правыми. «Революции 1989–1991 гг. стали катализатором, ускорившим возрождение давнего конфликта между двумя соперничающими политическими архетипами: либеральным индивидуализмом и национальным коллективизмом»[7]. Все это происходит в контексте специфических общественных настроений, зачастую враждебных капитализму и демократии и выражающих сильную ностальгию по патернализму.

Популисты, стремящиеся заслужить авторитет и добиться легитимации, апеллируя к традиции, начали попросту взывать к коллективным представлениям и общей памяти, а также использовать политические мифы вместо

идеологии. Они стали искать в прошлом ответы для решения современных проблем и рецепты на будущее. Используемые для этого мифы несут в себе, кроме объясняющей способности, сильный элемент обязанности, требования, а также значительные мобилизационные возможности. Э. Кассирер утверждает, что страх никогда нельзя полностью элиминировать; он может принимать различные формы, в том числе в виде мифа. «Страх является всеобщим биологическим инстинктом. Его невозможно никогда преодолеть или подавить, но он может изменять свой облик. Миф полон бурных эмоций и впечатляющих картин. Но человек благодаря мифу обучается новому удивительному искусству – искусству выражения, что означает умение организации, подчинения своих наиболее глубоко укоренившихся инстинктов, надежд и страхов»[8]. Популисты, обращающиеся к мифам для того, чтобы дать тем, кто разочаровался в жизни, простые объяснения их неудач и простые рецепты успеха, дают им вместе с тем временное чувство безопасности и восстановления контроля над собственной судьбой.

Популистские политики, на что уже обращалось внимание, особенно охотно используют мифы, основанные на ресентименте (жажде отмщения), которые содержат сильный заряд изоляции и реванша, укрепляя тем самым общественный страх вместо того, чтобы его сдерживать. «Появляются демагоги, трибуны и пророки, которым удается в агрессивной форме выражать коллективные надежды и страхи». Эти творцы мифологии знают, «как возбудить боязнь и экстаз, иллюзии и надежды на спасение»[9]. Использование национальных мифов, связанных со страданиями и спасением, сопровождается возрождением мифов о героическом прошлом и тоской по нему. При этом активно происходит обращение к традициям межвоенного периода, которые в этом регионе не были проникнуты в достаточной степени либеральным и демократическим мышлением.

Образ хорошего общества в будущем опирается в данном случае на образ идеализированного прошлого, а политические мотивы и действия объясняются на основании национальных традиций. Такие нарративы, без сомнения, не могут послужить общественной адаптации явлений риска и соперничества интересов, включенных в процессы модернизации. Они переносят в иное измерение, в котором действуют не демократические дебаты, а символическое, ритуальное утверждение.

Партии, руководствующиеся такими способами мышления и деятельности, говорят о противоречиях не для того, чтобы их регулировать и сглаживать, а для того, чтобы их усиливать и поддерживать. Такими действиями они зарабатывают своего рода политические дивиденды в виде необоснованного влияния. Возбуждая страх и подчинение, а также мобилизуя массы на протест, популистские элиты рассматриваемого региона получают шанс удачно реализовать свои политические интересы. «Власти в государстве не должны включать в себя антилиберальные, ксенофобские группы и движения; они и без того могут причинить вред людям, дестабилизировать демократическую политику, свободный рынок, оказывать влияние на дискурс основных партий»[10]. Им тем легче, чем слабее в этих странах утверждена культура дебатов и сотрудничества.

В. Тисманеану возлагает ответственность за проведение политики конфликта и изоляции, а также разжигание в обществе таких эмоциональных установок, как страх, ненависть и гнев, на политические и интеллектуальные элиты.

Страх, как уже подчеркивалось, может исходить как от реальных, так и от потенциальных и воображаемых угроз, особенно если они имеют свое подтверждение в историческом опыте сообщества. Коллективная ненависть опирается на распространенные предубеждения и негативные оценки определенных устоявшихся особенностей тех групп, которые считаются чужими. Она «представляет собой конгломерат издевательств, очернения,

жажды мести вплоть до уничтожения противника»[11]. «В свою очередь, коллективный гнев можно считать социальной конструкцией, возникающей в ситуациях, когда индивиды или социальные группы оценивают действия других (индивидов или групп) как необоснованные, несправедливые и нарушающие общественные нормы …Интенсивность эмоций, связанных с гневом, зачастую вызывает чувство угрозы, тенденцию к поиску виновных и жажде мести»[12].

Популизм и страх в польской политике – избранные примеры

Высокий потенциал популизма в Польше, без сомнения, связан частично с особенностями региона в целом. Однако он имеет и свои специфические источники и проявления.

В. Тисманеану, используя культурный анализ в исследованиях социальных противоречий в Центральной Европе, пишет о поляках следующее: «Поляки рассматривают свою историю в категориях “чести”, противопоставляемой “позору”»[13]. В свою очередь, М. Карват таким образом определил типично польские страхи: к наиболее распространенным предметам коллективных страхов поляков он относит такие, как «вырождение нации, потеря независимости, распродажа коренных земель, превращение в прислугу для иностранцев, массовая деморализация… атеизация и т. д.». Типичными виновниками страхов выступают «предатели, шпионы, агенты… тайные сотрудники, явные коллаборационисты, евреи, масоны, коммунисты, нигилисты, интеллектуалы, извращенцы, воры, аферисты, коррупционеры, марионетки или наемники Москвы, Брюсселя, Вашингтона…»[14]. К этому нужно добавить то, что носителями данных эпитетов чаще всего бывают представители элит.

Соглашаясь с анализом, необходимо привести примеры использования отечественными политиками конфликтных императивов сообщества и коллективных настроений страха; выяснить, какие усилия прикладывают популистские политики, создавая или же только поддерживая и разжигая социальные противоречия, и какое они имеют влияние на коллективные представления поляков.

На начальном этапе трансформации в Польше ей сопутствовал миф о единстве народа, который генерировался элитами «Солидарности» и разделялся обществом. Постепенно он терял свое значение, но только на время. Вскоре начинаются попытки возрождения этого мифа и использования его интегративно-мобилизационных возможностей. Однако еще раньше обозначились глубокие политические противоречия посткоммунизма.

Процессы ускоренной модернизации привели к формированию в обществе новых групповых интересов и новых противоречий. Возникают конфликты между социальными группами, регулируемые в рамках новых демократических институтов. Кроме конфликтов интересов, присутствуют мировоззренческие разногласия, которые касаются широко понимаемой толерантности («марши равенства») или прав и свобод человека («марши жизни»). Конфликты имеют преимущественно низовой характер, возникают в локальных сообществах, на предприятиях, в среде общественных организаций и движений. С самого начала им сопутствовали конфликты, которые инициировались сверху политическими элитами в контексте демократического политического процесса и которым придавалось фундаментальное значение. Они выступали в ходе политической борьбы за власть и признание. К объяснению политиками конфликтов в категориях посткоммунистических противоречий между недавно еще оппозиционным обществом и старой номенклатурной властью после 2000 г. добавляются интерпретации в категориях другого фундаментального противоречия: между модернистами и традиционалистами, или, как выражается Тисманеану, между сторонниками либерально-индивидуалистической и консервативно-коллективистской традиций. Этому противоречию придается форма конфликта между либера-

лизмом и солидарностью, между либеральными элитами и традиционным объединенным народом-нацией. В основе образа врага, которым запугивается общество, легко найти архетипический момент борьбы добра со злом. Так, в ходе избирательной кампании 2007 г. президент Лех Качиньский сказал: «Когда два года назад проходила избирательная кампания, мы делали выбор между моделями солидарной Польши и либеральной Польши. Сегодня мы должны будем повторно сделать этот выбор»[15].

Лидеры партии (имеется в виду партия «Право и Справедливость») прямо говорили: «Недопустима та система, к которой вместе с оппозицией стремятся олигархи, либералы и посткоммунистические силы»[16]. «Оппозиция хочет подчинить государство олигархии, в котором бы выборы и воля народа ничего не значили»[17]. Запугивание предназначалось различным социальным группам. Так, например, фермерам говорилось: «Либералы из ПО (Гражданская платформа. – *Примеч. И. Б.*)… хотят ввести в селе бездушный либерализм… это большая угроза для фермеров»[18].

Второе отмеченное противоречие отчетливо проявилось в связи с двумя событиями, связанными с интеграцией Польши в ЕС: кампанией накануне референдума о вступлении Польши в ЕС 2003 г. и выборами в Европарламент 2004 г. Несколько видоизменившись, оно сохраняется и после 2005 г. в связи с появлением в правящих в то время политических кругах новой концепции политики памяти. Возникает вопрос: как в обоих этих случаях политики объясняли имеющееся противоречие и чем они запугивали сограждан?

Уже в ходе кампании накануне президентских выборов 2000 г. противники интеграции указывали на те угрозы, которые она несет полякам. Лидер Самообороны заявлял: «…суверенитет страны ограничен деятельностью крупных иностранных фирм, корпораций, монополий и финансовых институтов, стремящихся отобрать у народа все материальные богатства». Дальше он продолжает: «…мы протестуем против экономического и политического империализма, подчиняющего без единого выстрела народы под маркой экономической помощи, интеграции и глобализации»[*]. Ссылаясь на негативный исторический опыт и в особенности на страх перед немцами, лидер Самообороны повторяет: «История показывает, что действия, направленные на конфронтацию Польши и России в интересах третьих стран, всегда проходили за наш счет… Мы не желаем, чтобы продолжал действовать прусский принцип эпохи разделов, согласно которому нельзя допускать примирения между поляками и россиянами». Необходимо подчеркнуть, что с подобной картиной истории в польской коллективной памяти конкурируют еще, как минимум, две другие. Первая возбуждает страх именно перед Россией и призывает договариваться с немцами с целью достижения равновесия. Согласно другой немцы и россияне всегда согласовывали между собой свои интересы в ущерб полякам и поэтому их следует остерегаться в равной степени.

На парламентских выборах 2001 г. лидеры Лиги польских семей (ЛПР) предсказывали разорение страны, запугивали национальным вырождением: «Бывший и нынешний политический класс полагает, что вместе с экономическим и биологическим вымиранием Польши удастся растворить наш народ в унифицированном и космополитическом Европейском Союзе». К этому присоединялись аргументы, которые апеллировали к чувствам национальной чести и достоинства: «Евросоюз рассматривает Польшу как государство третьего сорта».

Подобным образом высказывался лидер Самообороны, информируя общественное мнение в своем парламентском выступлении по поводу враж-

[*] Все высказывания политиков в 2000–2004 гг. приводятся на основе материалов, содержащихся в издании «Polska Scena Polityczna».

дебных происков «чужаков из ЕС», жаждущих подчинения поляков: «Мы говорим сегодня Евросоюзу решительное “нет”, потому что уже сейчас мы видим не партнерство, а ползание на коленях перед Евросоюзом».

В кампании 2003 г. ЛПР продолжала запугивать поляков Европейским Союзом, используя аргументы экономического характера. Вступление в ЕС связывалось с неизбежными бюджетными сокращениями, ликвидацией социальной помощи малоимущим, нищетой, наплывом некачественной продукции, безработицей в стране.

«Право и Справедливость» (ПиС) является партией, которая изначально включала вопрос о вступлении в ЕС в более широкий контекст посткоммунистических противоречий. Это хорошо иллюстрируют следующие высказывания лидера партии: «Сегодня все указывает на то, что люди, правящие в Польше, понимают вхождение в ЕС как элемент временной политической и экономической тактики, направленной на успокоение групповых, а в некоторых случаях и индивидуальных интересов, а главным образом на укрепление позиций СЛД (Союз демократических левых. – *Примеч. И. Б.*) в качестве гегемона политической жизни в Польше»[*]. Далее еще более убедительно: «В равной мере как в отношениях с Россией, так и в процессе европейской интеграции правительство левой коалиции не справилось с задачами построения безопасного будущего для страны и укрепления позиций Польши в мире»[**].

В период более поздней избирательной кампании в Европарламент ПиС устрашала потерей суверенитета, денационализацией и господством чужих и сильных, выступая в защиту традиций и польскости. Все это отчетливо вписывается в интерпретацию текущей политики в категориях второго из указанных фундаментальных политических противоречий в регионе. В партийной программе «Европа солидарных наций» записано: «Деструктивные тенденции европейского социализма и либерализма угрожают разрушением традиционному общественному строю, основанному на христианских ценностях». Подобные взгляды отражены в замечаниях партии по поводу проекта европейской конституции: «Проект так называемой конституции Европы является не только актом идеологической экспансии противников христианства и традиционных общественных устоев, он также является победой эгоизма над солидарностью».

В то же время возникает идея о необходимости использования государством в политических целях исторического прошлого. Первоначально такая необходимость ограничивалась уровнем международных отношений: «Заслуги Польши во Второй мировой войне, в борьбе с нацизмом и коммунизмом остаются тем фактором, который определяет международный престиж и значение Польши». Широко используются мифы о национальной жертвенности и героизме. Установки культуры чести в подобной риторике вполне очевидны, что подтверждается следующим фрагментом из избирательной программы партии: «Правительство обязано защищать наше национальное достоинство».

Подобным образом действовала ЛПР. Эта партия для укрепления своего негативного отношения к европейской интеграции обращалась к национальным героическим мифам. Однако более всего она использовала мифы о поражении и предательстве, возбуждая тем самым массовый страх и беспокойство: «В истории Польши… наряду с многочисленными славными событиями можно также найти акты предательства, когда поляки сами способствовали упадку Польши. В то же время особенностью нашего народа выступает умение преодолевать упадок. В 2004 г. эта особенность стано-

[*] Фрагменты из программ политических партий взяты из исследования: Eurowybory 2004. Warszawa, 2005.

[**] Там же.

вится нашей надеждой, поскольку Польша находится на краю пропасти». Положительный результат референдума 2003 г. эта партия отнесла к первой бесславной традиции.

Призыв голосовать за кандидатов этой партии сопровождался заверением в том, что это люди, которые мыслят национальными категориями. Проголосовать за них – это минимум из того, что «может сделать каждый из нас для находящегося в опасности Отечества».

В многочисленных партийных документах и выступлениях были сформулированы вопросы типа *Откуда идет атака на основы нашей независимости? Как противостоять угрозе национальным интересам?* Все это сопровождалось популистскими заверениями в патерналистской миссии политиков, которые знают лучше всех, что нам нужно: «Большинство сегодня не видит угрозы, не знает ее источников и поэтому не сможет ей противостоять… Наша задача состоит в том, чтобы научить соотечественников распознавать источники угрозы и противодействовать им».

Представляется возможным отнести ЛПР с ее лозунгами в один лагерь с партией «Право и Справедливость» в рамках противоречия между либералами и консерваторами. Лучше всего это подтверждается следующим фрагментом из партийных материалов избирательной кампании 2004 г.: «Лига польских семей оценила расстановку сил на польской политической арене… Ею доказано, что существует раскол по отношению к идее Независимости на тех, кто за Польшу, суверенитет, защиту национального достояния и традиционной польской нравственности, и тех, кто за Евросоюз и господство в Польше международного капитала… Приходит время для консолидации вокруг диаметрально противоположных концепций государства. Первая – это традиционная концепция… вторая – это концепция федеративная, либеральная, наднациональная».

В то же время в ходе той же кампании Самооборона запугивала поляков ростом цен на сельхозпродукцию, на средства, необходимые для сельскохозяйственного производства, а также падением реальных доходов фермеров. Партийные лозунги указывали: наиболее опасные враги находятся в самой стране, а не за ее пределами. Это те политики, которые вели переговоры «на коленях» и подписывались под невыгодными для Польши условиями вступления в Евросоюз. Самооборона в то же время провозглашала, что ее целью является защита материального, культурного и интеллектуального достояния многих поколений польских граждан перед стремящимися распродать его доморощенными элитами.

Подобные интенции повторялись в последующих кампаниях по выборам в парламент 2005 и 2007 гг. Характерным является подбор причин, по которым согласно ЛПР следует бояться ЕС и оказать доверие этой партии как национальной. Из избирательной программы партии 2005 г. можно узнать о 13 причинах, по которым Лига выступает против членства Польши в ЕС. Сюда входят: верховенство европейского права, уничтожение польского фермерства, лишение поляков собственности, навязывание им конституции, в которой ничего не сказано о Боге и христианских ценностях, поддержка сексуальных извращений и гомосексуальных пар в ущерб традиционным семьям, эвтаназии, убийства нерожденных детей (абортов), клонирования людей, уничтожения польской науки, образования и технической мысли, а также ликвидации злотого, что равнозначно упадку польской экономики. Таким образом, поляки будут лишены своих прав, имущества и традиций и поглощены бесчеловечной системой, исчезнут как нация вместе со своими неповторимыми достоинствами и достижениями.

Во время кампании 2009 г., когда обществу стало ясно, что предрекаемые антиевропейскими политиками катаклизмы в случае вступления Польши в ЕС не произошли, упор стал делаться на опасность со стороны соседей, в первую очередь немцев, а также потворствующих им, как утвержда-

ется, польских элит. Лидер ПиС, правда, еще в 2004 г. заявлял: «В Польше действует фронт защиты немецких интересов, который образует актив немецких спецслужб, в том числе из штази, ученых и независимых публицистов, живущих на немецкие деньги»[19]. В данной политике запугивания ему помогло обращение ХДС/ХСС*. Оно также способствовало обличению внутреннего врага: ПО, поскольку не протестовала столь бурно, как ПиС, против названного обращения, «пренебрежительно отнеслась ко всему, что связано с польскими национальными интересами, и вела себя оскорбительно по отношению к польскому народу»[20].

На встрече с избирателями в Жешуве Ярослав Качиньский запугивал: «После выборов, если только победит ПО, Дональд Туск проведет огромные социальные урезания. Это станет сильным шоковым ударом для среднеобеспеченных и беднейшей части населения… Польские европейцы… готовы на все; готовы поднять руку на честь нашего народа, на все, что дорого и свято для нас»[21].

Данное содержание страхов поддерживается политикой памяти. Подобную политику, как справедливо заметил Л. Нияковский, проводят все национальные государства. Они делают это для того, чтобы объединить народ, поддерживать национальные единство и идентичность. Основана она главным образом на прославлении эпох национальной славы и гордости, становящихся источником сил в противостоянии современным вызовам. Популистская политика памяти отличается тем, что призвана не столько объединять, сколько разделять и изолировать; она обращается не только к мифам о победах, но и к мифам о поражениях, призывает к отмщению.

Политика памяти направлена на коллективную память, которую Б. Шацка определяет как «совокупность коллективных представлений о прошлом, о населяющих его персонажах и прошедших событиях, а также способов их сохранения и передачи знаний о них, считающихся обязательными для члена того или иного коллектива»[22].

Коллективная память, по мнению Бар-Таля, состоит из коллективных представлений, функция которых – дать сообществу собственные нарративы. Данные нарративы – это конструкции, соединяющие в единое целое секвенции исторических и текущих событий, сумма коллективного опыта того или иного сообщества, репрезентированная в символически сконструированной и общепринятой социальной идентичности[23]. Коллективные представления в области памяти о конфликтах характеризуются тем, что они не являются объективным отражением прошедших событий, а пристрастно рассказывают о них, исходя из требований текущей ситуации. Таким образом, формируется селективный нарратив, который «замалчивает некоторые события, добавляет некоторые (необязательно достоверные) элементы, перекручивает факты и подсовывает интерпретации, нужные в нынешних условиях»[24].

Популистская политика памяти направлена как на прошлые, так и на современные противоречия и конфликты, показывая их мнимую продолжительность, глубокие исторические корни. Представляется, что именно так определяет политику памяти Л. Нияковский, понимающий под ней «всю институциональную деятельность политиков и чиновников, имеющую формальную легитимность, целью которой выступает укрепление, исключение или переосмысление содержания общественной памяти»[25]. Такая политика приводит не столько к созданию сообщества памяти, сколько к расколу на «антагонистические сообщества памяти», каждое из которых претендует на

* Данное обращение требовало международного осуждения депортаций, а также разрешения на право депортированных возвращаться на родину в соответствии с европейским правом на свободный выбор места проживания. Авторы обращения, в том числе член ХДС и в прошлом шеф комиссии иностранных дел РЕ, неоднократно протестовали против «неправильной интерпретации обращения» польскими политиками.

исключительность. Побочным результатом этого становится враждебность и страх в отношениях между такими сообществами. Здесь имеется в виду, на что указывает М. Карват, страх перед угрожающими таким сообществам чужими – коммунистами, посткоммунистами и их агентами или предателями и агентами России, Германии, Израиля или европейской плутократии.

Относительно быстро новым врагом стал либерал, представляемый как «“безумный реформатор”, думающий о показателях… а не о людях»[26], что весьма удачно вписывается в антиинтеллигентские фобии популистов разных мастей.

Сторонники конфликтной политики памяти последовательно апеллируют к специфике польского морально-этического национализма и к наследию, формировавшемуся в состоянии постоянных угроз и конфронтации. Врагом становится каждый, кто не разделяет представлений и интерпретаций прошлого, признанных правильными и общеобязательными. Инаковость во взглядах равнозначна с включением в архетип изменника, отщепенца, отрицающего ценность освященного поколениями пути, ведущего через жертвы к спасению. «Поляки терпели, потому что не хотели отречься от польскости. Данная трагедия не позволяла оправдать тех, кто не хотел бороться. Они обвинялись в трусости… или измене»[27]. Подобным образом и сейчас должны рассматриваться те, кто ставит под сомнение интерпретацию польскости, включенную консервативными политиками в свой сценарий политики памяти.

Здесь прослеживается своеобразная «тропа зависимости», по меткому выражению Нияковского, что означает: есть только одна историческая линия одной и той же самой борьбы, правда, на различных этапах она принимает разные формы. Но в действительности это одна и та же борьба, продолжающаяся непрерывно и требующая от общества единения вокруг тех политиков, которые точно поняли ее исторические корни и смысл; тех политиков, которые не только понимают больше других, но и предопределены на битву за историческую память и идентичность нации и готовы защищаться перед представляющими угрозу чужеземцами, отщепенцами и тем более либералами всех мастей.

Как уже говорилось, в прошлом поляки часто были лишены возможности контролировать собственную судьбу по вине враждебных им внешних сил. В результате в их коллективной памяти сформировался крайне негативный имидж чужака. Чаще всего он рассматривался как враг. Таким чужаком может стать любой, кто не поддерживает политику памяти, опирающуюся на национальную мартирологию жертв, безнадежной борьбы, поражения и избавления и пытающуюся устыдить весь мир этой мартирологией. Такой чужак, поскольку он не свой, вызывает чувства страха, гнева и ненависти.

В выступлениях популистских политиков часто появляются такие слова: «Нация сплочена (за исключением изменников родины – “ложных поляков”)… ее объединяет набор символов и персонажей, те, часто негативные эмоции, которые вызывают наши соседи»[28]. Вспомним, что ложным поляком может считаться любой, кто не демонстрирует в воодушевленной форме своей принадлежности к однородному сообществу, пропагандируемому популистской политикой памяти. Им может быть премьер, фискальный чиновник или учитель этики. Им может быть и институт. В 2008 г. у ворот верфи слушатели «Радио Мария» скандировали, имея в виду правительство Гражданской платформы и Польской народной партии: «Это не польское правительство».

Приведенные примеры показывают, каким образом Польша со своей спецификой вписывается в особую модель развития, удачно описанную В. Тисманеану. Напомним, что согласно данной модели в странах, отходящих от коммунизма, «прошлое рисует воспоминания об изоляции, преследованиях, племенных конфликтах, взаимном неуважении, а также массу самовосхищения. Вместо экзорцизма культивируется коллективный нарциссизм».

А. Лещиньский, комментируя эти явления, указывает на то, что политика памяти должна вызвать страх перед вызовами современности. Добавим к этому, что страх, умело направленный в символическое русло, дает политикам власть, а обществу – иллюзорное чувство безопасности, затрудняющее приспособление к процессам модернизации. Нияковский делает следующее обобщение: «Единственное, что нам может предложить “историческая политика”, – это немного партийной политики и немного сообщества, построенного вокруг туманной “самостоятельности”. И очень много страха»[29].

Слова типа «Не можешь справиться с проблемами, ибо мир несправедлив, а плохая власть в III РП поддерживает эту несправедливость» несут вред, поскольку сами «усиливают чувство несправедливости мира или же поддерживают определенный пагубный и обезоруживающий миф»[30].

Можно отчетливо себе представить пригодность совершенно иной политики памяти: не популистской и не конфронтационной, основанной не на страхе, а на уверенности в своих силах и на удовлетворенности от общих свершений. Популистам, однако, как уже говорилось, благоприятствует предрасположенность части польского общества к страхам, несогласию и сопротивлению, а также наличие исторических противоречий, которые в значительной мере присутствуют и в других государствах региона. Вместе с тем избранный политический стиль содержит в себе также риск и не дает в рамках демократической системы гарантий успеха. Это продемонстрировали результаты выборов в парламент в 2007 г., а также более поздние исследования избирательных предпочтений. «Если в польском обществе укрепятся неприятие конфронтационной модели политики и поддержка противоположной ей модели консенсуса (что подтверждают исследования общественного мнения), то в таком случае… агрессивная правая оппозиция останется без шансов на приход к власти, а левая – на выход из кризиса путем принятия конфронтационного курса…»[31]

[1] Karwat M. O demagogii. Warszawa, 2006. S. 187.
[2] Там же. S. 191.
[3] См.: Bar-Tal D. Społeczno-psychologiczne podstawy nierozwiązywalnych konfliktów // Konflikty międzygrupowe / K. Skarżyńska, U. Jakubowska, J. Wasilewski (red.). Warszawa, 2007. S. 90.
[4] Golec de Zevala A. Wybór działań w konflikcie politycznym: rola przekonań społecznych i indywidualnej motywacji poznawczej // Konflikty międzygrupowe / K. Skarżyńska, U. Jakubowska, J. Wasilewski (red.). Warszawa, 2007. S. 38.
[5] Tismaneanu V. Wizje zbawienia. Warszawa, 2000. S. 8.
[6] Там же. S. 304.
[7] Там же. S. 305.
[8] Cassirer E. Mit państwa. Warszawa, 2006. S. 62.
[9] Tismaneanu V. Wizje zbawienia. S. 60.
[10] Там же. S. 129.
[11] Bar-Tal D. Społeczno-psychologiczne podstawy nierozwiązywalnych konfliktów. S. 99.
[12] Там же.
[13] Tismaneanu V. Wizje zbawienia. S. 146.
[14] Karwat M. O demagogii. S. 187.
[15] Czuchnowski W., Wróblewski B. Polska nie dla bogatych // Gazeta Wyborcza. 2007. 1–2 września.
[16] Kochanowicz M. PiS rośnie na Kaczmarku // Gazeta Wyborcza. 2007. 4 września.
[17] Wojciechowski M. Komentarz // Gazeta Wyborcza. 2007. 10 września. S. 1.
[18] Gorczyca A., Kuraś B., Bielicka M. Premier kontra // Polska oligarchów, j.w. S. 4.
[19] Jak kampania to PiS bije Niemca // Gazeta Wyborcza. 2009. 25 maja.
[20] Wroński P. Wojna polsko-niemiecka pod flagą PiS // Gazeta Wyborcza. 2009. 28 maja. S. 4.
[21] Bujara M., Giergont J., Jedlicki P. Kaczyński obiecuje stawanie na uszach, j.w. S. 8.
[22] Szacka B. Czas przeszły, pamięć, mit. Warszawa, 2006. S. 19.
[23] См.: Bar-Tal D. Społeczno-psychologiczne podstawy nierozwiązywalnych konfliktów. S. 91.
[24] Там же. S. 93.
[25] Nijakowski L.M. Polska polityka pamięci. Esej socjologiczny. Warszawa, 2008. S. 44.
[26] Там же. S. 123.
[27] Там же. S. 140.
[28] Там же. S. 145.
[29] Там же. S. 239.
[30] Wojciszke B. W świecie PiS klęska jest moralna, a sukces podejrzany // Gazeta Wyborcza. 2007. 11 września.
[31] Majcherek J.A. My, Polacy – ugodowcy // Gazeta Wyborcza. 2008. 12 grudnia.

Поступила в редакцию 08.09.09.